

Т. Г. Иванова T. G. Ivanova
(Санкт-Петербург) (Saint Petersburg)

Два эпизода Two episodes
в фольклорно- in folklore
этнографической истории and ethnographic history
Новоладожского уезда Novoladozhsky district
Санкт-Петербургской of the St. Petersburg
губернии province

Аннотация

Статья Т. Г. Ивановой «Два эпизода в фольклорно-этнографической истории Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии» посвящена истории собирания произведений устной народной поэзии и этнографических сведений в Новоладожском уезде, на древних Новгородских землях. В первой части статьи речь идет о записях, сделанных в 1871 г. А. Ф. Гильфердингом от сказителя И. Я. Гусева из деревни Конец Усадище-Спасовской волости. Они свидетельствуют о существовании некогда в Новоладожском уезде песенно-эпической традиции. Вторая часть посвящена деятельности известного художника В. М. Максимова (1844–1911). Максимов этнографически точно изобразил в своих полотнах крестьянскую жизнь своих земляков, обряды, интерьер избы. Кроме того, будучи корреспондентом Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева, отвечая на этнографическую программу Тенишева, художник собрал у себя на родине богатый этнографический и фольклорный материал.

Ключевые слова: фольклорно-этнографический материал, Новоладожский уезд Санкт-Петербургской губернии, записи А. Ф. Гильфердинга, сказитель И. Я. Гусев, художник В. М. Максимов, Этнографическое бюро кн. В. Н. Тенишева

Abstract

Article by T. G. Ivanova “Two episodes in folklore and ethnographic history Novoladozhsky district of the St. Petersburg province” is devoted to the history of collecting works of oral folk poetry and ethnographic information in the Novoladozhsky district, on the ancient Novgorod lands. In the first part of the article we are talking about records of epic songs made in 1871 by A. F. Hilferding from the I. Ya. Gusev from the village Konets of Usadishche-Spasovskoyvolost. They testify to the existence of an epic tradition in the Novoladozhsky district. The second part is devoted to the activities of the famous artist V. M. Maximov (1844–1911). Maksimov ethnographically accurately depicted in his canvases the peasant life of his countrymen, rituals, the interior of the dwelling. In addition, being a correspondent of the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev. Responding to the ethnographic program of Tenishev, the artist collected a rich ethnographic and folklore material in his homeland.

Keywords: folkloristic and ethnographic records, A. F. Hilferding, I. Ya. Gusev, V. M. Maximov, Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev

DOI: 10.31860/0136-7447-2018-36-387-407

Новоладожский уезд Санкт-Петербургской губернии на фольклористической карте России занимает весьма скромное место. История собирания произведений устной народной поэзии и этнографических сведений в Новоладожском уезде никогда не привлекала специального внимания ученых. Нашу статью мы посвящаем двум эпизодам из этой истории.

Эпизод первый. Запись былин А. Ф. Гильфердингом

В начале сентября 1871 г. А. Ф. Гильфердинг вернулся из своей двухмесячной поездки по Заонежью, где он услышал лучших олонецких певцов (Т. Г. Рябинин, И. А. Касьянов и др.) и записал от них три сотни эпических текстов. Но былинная поэзия не отпускала А. Ф. Гильфердинга и в Петербурге. 5 сентября в российской столице оказался В. П. Щеголенок, крестьянин деревни Боярщина Кижской волости, с которым А. Ф. Гильфердингу довелось работать во время летней поездки. В течение пяти дней собиратель записал от него заново (или проверил по первоначальной летней записи) ряд старин.

Одновременно в эти же дни А. Ф. Гильфердинг познакомился с еще одним сказителем — Иваном Яковлевичем Гусевым из деревни Конец Усадище-Спасовской волости Новоладожского уезда Петербургской губернии. Очерк о И. Я. Гусеве «Певец былин в Петербургской губернии», напечатанный в октябрьском номере журнала «Русская старина», стал первой былиноведческой публикацией А. Ф. Гильфердинга¹. В издание «Онежских былин» 1873 г.² этот материал не был помещен, но, начиная с издания 1894–1900 гг., былины И. Я. Гусева печатаются в корпусе этого классического собрания русского эпоса³.

Как можно судить из очерка, А. Ф. Гильфердинг узнал о И. Я. Гусеве от его сына, жившего в Петербурге в разносчиках. Сказитель Иван Гусев, с которым собиратель работал в Петербурге, как сказано в очерке, проживал в деревне Конец Усанской волости Новоладожского уезда. Однако, по нашим справкам, в Новоладожском уезде таковой волости никогда не существовало. Собиратель пишет о деревне Конец: «находится в 30 верстах от Ладоги, в 15 верстах от Ладожского канала»⁴. Речь, без сомнения, идет об Усадище-Спасовской волости (Усадская во-

¹ Гильфердинг А. Ф. Певец былин в Петербургской губернии // Русская старина. 1871. № 10. С. 451–459.

² Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873.

³ Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. 2-е изд. СПб., 1894–1900. Т. 1–3. По четвертому изданию см.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Подгот. текста и коммент. А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. М.; Л., 1951. Т. 3. № 319–321.

⁴ Гильфердинг А. Ф. Певец былин в Петербургской губернии. С. 452.

лость), в которой действительно находилась д. Конец. Центром волости являлось с. Заболотье; сама же волость свое наименование получила по имени одной из деревень (Усадище), а Спасовской была названа по главному храмовому празднику. Усадище-Спасовская волость находится на правом берегу Волхова на маленькой речке Елошне (Олошне), впадающей в Лыгну, которая, в свою очередь, является притоком Сяси (впадает в Ладожское озеро в 30 км от устья Волхова). Располагается волость примерно на одной линии с Ладожскими порогами на Волхове в районе старинного села Гостинополье (37 км выше устья реки).

В средневековье это были земли, входившие в древнее ядро Ладоги (ныне Старая Ладога) и Новгорода — в Поволховье. Напомним, что А. Н. Насонов в формировании Новгородских земель на раннем этапе выделяет три периода: 1) Поволховье (самые древние земли); 2) Обонежский ряд, сложившийся в 1040-е гг. (верхнее течение р. Сяси, впадавшей в Ладожское озеро восточнее р. Волхова, восточная сторона нижнего течения этой же реки, р. Паша, р. Оять, течение Свири до территории будущего Остроченского погоста, район Олонца на северном берегу Свири); 3) огромный регион погостов, указанных в грамоте князя Святослава 1137 г. (погосты, начиная с Тудорова на восточном берегу Онежского озера и далее уходящие в Водлозеро, на Мошу, Вагу, Северную Двину, Пинегу).

По средневековому административному делению Усадище-Спасовская волость была территорией Михайловского на Волхове погоста, располагавшегося по обеим сторонам реки (то есть земли погоста оказывались и в Водской, и в Обонежской пятинах)⁵. Сохранилось описание Михайловского погоста в позднейшей новгородской писцовой книге 1582 г., составленной Елизарием Старым и подьячим Семеном Киселевым: «Погост Михайловской на Волхове. А в нем села и деревни и починки и пустоши были за помещики, а ныне в кормленной волости⁶. А на погосте церковь Михайла Архангела древняя клецки»⁷. Писцовая книга свидетельствует, что Михайловский погост (как, впрочем, и многие другие) в ходе Ливонской войны запустел: «и всего в Михайловской волости: погост, да селцо да 18 деревень с полудеревнею, да починок пуст, да 11 пустошей. А в них: 55 дворов крестьянских, а 26 мест дворовых крестьянских, да 5 дворов бобыльских, а людей в них тож, да 3 месте дворовых бобыльских; в живущих 27 обож, а в пустее 126 обож...»⁸.

⁵ *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853. С. 122, 157 (Зап. имп. Рус. геогр. общ-ва.; кн. 8). См. о погостах в Поволховье: *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896. С. 22–25. Западной границей Обонежской пятины был правый берег Волхова; далее пятина охватывала все течение реки Свирь, Онежское озеро и уходила на север к Белому морю.

⁶ Кормленные волости — волости, принадлежавшие царю, которые он отдавал в кормление своим служилым людям.

⁷ Писцовые Новгородские книги 7090 и 7091 годов // *Временник имп. Московского общества истории и древностей российских.* М., 1850. Кн. 6. С. 51.

⁸ Там же.

В рукописи, хранившейся при местной церкви, имеются сведения о Спасо-Преображенском храме начала XVII в., стоявшем в селе: «в Михайловском погосте, на Волхове, новгородского митрополита вотчина волость Заболотье, на реке, на Олошне, а в ней церковь выставочная, Преображение Спасово, деревянная; на погосте, во дворе, поп Еремей Иванов, во дворе дьячок Маковойко Тимофеев, во дворе пономарь Михейко Васильев, во дворе проскурница Феклица»⁹. Перепись эта была сделана в 1620 г., «после побиения, в сем приходе, людей литовскими и немецкими людьми»¹⁰. Слова «церковь выставочная» свидетельствуют, что этот погост был «выставком» от какого-то другого (скорее всего, Михайловского) погоста, а следовательно, возник позднее него.

В конце XIX в. приход Усадище-Спасовского погоста составляли деревни: Усадище и Бор — у церкви; Елошня и Польская — в версте от церкви; Сорокино — в 2-х верстах, Охромовщина, Борок, Подвязье, Ручей, Мыслино, Дуброво, *Конец* (деревня сказителя И. Я. Гусева), Колодец, Кукли, Пол, Безово, Леоновщина и Селище — в 3-х; Карпино — в 4-х; Славково, Лынно, Веретье, Раменье и Устье — в 5; Кроватыни и Ясновицы — в 6; Зеленец и Теробоничье — в 7; Вячково и Заднево — в 10. Православных прихожан мужского пола было 2091 человек, женского — 2338 человек¹¹.

Почти во всех деревнях были часовни. В часовне при деревне Бор в XIX в. стоял крест, на котором было написано, что он «поставлен на поклонение христианом повелением раба Божия Симеона, Иоанна, Симона сына Беликова 7101 (1593) лета, ноября 1»¹². Столь же древний крест находился в часовне у Большого Зеленца: «по обещанию раба Божия Евсея Иванова сына Софейского Бобыля, с прозвищем Щербакова, на поклонение всем православным христианом лета 7101 году генваря 17 дня»¹³. В д. Конец у часовни, стоящей в чаще берез, осин и елей, в XIX в. сохранялись старинные могильные плиты.

Приход в XIX в. был объединен системой местных праздников: в Мыслине праздновали Параскеве Пятнице и св. Патриарху Модесту; в Теробоничье, Веретье и Дуброве — св. Дмитрию Мироточивому; в Елошне, Леоновщине, Польской, Охромовщине, Карпине, Устье и Раменье — Покрову; в Безове — Георгию, Рождеству Иоанна Предтечи и Воздвиженью; в Лынне и Борке — Косме и Дамиану; в Заднем — Тихвинской Божьей Матери и Архангелу Михаилу; в Куклях — пророку Илье; в *Конце*, Пале, Малом Зеленце, Колодце, Мошках и Селище — св. Николаю (9 мая); в Сорокине — св. Клименту (25 ноября); в Стояницах — Рождеству Богородицы; в Подвозье, Ручье, Большом Зеленце и Вячкове — св. Николаю (6 декабря); в Славкове — Преображению; в Ясновицах и Кроватынях — Борису и Глебу¹⁴.

⁹ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1884. Вып. 9. С. 159.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 163.

¹² Там же. С. 164.

¹³ Там же. С. 165.

¹⁴ Там же. С. 164.

Недалеко от Усадище-Спасовской волости находится Зеленецкий мужской Троицкий монастырь — главный духовный центр этого региона. Обитель была основана в 1565–1570 гг. преподобным Мартирием Зеленецким (ум. 1 марта 1603 г.), иноком Тихвинского монастыря. В конце XVI в. Зеленецкий монастырь пользовался вниманием царя Федора Иоанновича. В 1613 г. монастырь был пограблен одним из шведских воинских отрядов. В 1765 г. Зеленецкий монастырь был захвачен раскольниками, которые, отказавшись его покидать, устроили «гарь» — самосожжение.

Следует сказать, что традиции старообрядчества были крепки в Усадище-Спасовском приходе и в XIX в. В конце столетия здесь проживали раскольники (427 мужчин и 504 женщин). Соответственно, кроме православного кладбища (при церкви), существовали и раскольнические кладбища в деревнях Безове, Вячкове и Куклях. В связи с этим конфессиональная принадлежность сказителя Ивана Гусева, от которого записывал старины А. Ф. Гильфердинг, остается под вопросом.

Как мы уже сказали, из очерка «Певец былин в Петербургской губернии» следует, что А. Ф. Гильфердинг узнал о И. Я. Гусеве от его сына, жившего в Петербурге. По приглашению сына сказитель приехал к А. Ф. Гильфердингу, и тот в течение двух дней, 12 и 13 сентября 1871 г., записал от него былины «Илья Муромец и царице Кудриянище», «Василий Богуслаевич», «Алеша Попович и Ярюк богатырь» и историческую песню «Взятие Азова». По словам И. Я. Гусева, былины он перенял от своего отца, который умер, когда самому певцу было всего двенадцать лет. В 1871 г. И. Я. Гусеву было уже 88 лет. «К сожалению, — писал собиратель, — слишком преклонная старость Ивана Яковлева ослабила его память. Голос отказывается служить ему, так что он уже несколько лет перестал петь былины; он перезабыл большую часть того, что знал, с трудом мог пропеть некоторые отрывки, беспрестанно сбивался с песенного склада в простую передачу содержания былины. По его словам, он в прежние годы певал про Илью Муромца, Добрыню Никитича, Чурилу Пленковича, про какого-то Мирошку-богатыря, который победил Бабу-Ягу, про Анику-воина и т. д. Теперь удалось, и то с трудом, записать с его голоса четыре отрывка, здесь помещаемые»¹⁵.

Среди былин, записанных от И. Я. Гусева, имеется старина на сюжет «Илья Муромец и Калин-царь» («Илья Муромец и царице Кудриянище») ¹⁶. Собиратель определил этот текст как отрывок, указывая этим словом на неполноту той версии сюжета, которую представляет данный текст. Однако, если отвлечься от сравнения приладожского варианта с полноценными текстами из других регионов, то можно говорить о том, что местная былина являет собой довольно логичное, законченное

¹⁵ *Гильфердинг А. Ф.* Певец былин в Петербургской губернии. С. 451–459; ср.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Подгот. текста и коммент. А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 614.

¹⁶ *Гильфердинг А. Ф.* Певец былин в Петербургской губернии. С. 453–455.

изложение событий: Илья Муромец попадает в «окопы» (подкопы) и становится пленником татар; царице Кудриянице предлагает ему послужить татарам, но герой отказывается; Илью Муромца ведут казнить на болото Куликово, он хватает одного татарина за ноги и, действуя им как дубиной, побивает остальных врагов; голову одного из татар богатырь надевает на рогатину и идет с этой рогатиной к Идолицу поганому (надо полагать, это второе имя того же царица Кудрияница), Идолице пугается, просит оставить его «во живности», но Илья его убивает.

С. Н. Азбелев в основной версии сюжета «Илья Муромец и Калин-царь» выделяет следующие структурные мотивы: «1. Татарский царь с огромным войском движется на Русь, угрожая Киеву. 2. Наглые требования татар, передаваемые обычно их послом. 3. Переговоры с татарами. 4. Совет у Владимира. 5. Поездка одного или нескольких богатырей к татарам. 6. Илья едет в ставку богатырей, возглавляемых Самсоном, и упрашивает их выступить на защиту Киева. 7. Богатыри устанавливают свой боевой порядок перед битвой. 8. Илья начинает бой один (в некоторых вариантах — вместе с другими богатырями). 9. Попытка татар пленить Илью с помощью “подкопов”, в которые Илья попадает. 10. Разговор Ильи (обычно уже связанного врагами) с татарским царем. Последний предлагает Илье почетную службу, Илья с презрением отказывается. 11. Илья освобождается от пытающихся удержать его врагов и начинает один избивать их. 12. Он призывает в бой остальных богатырей. 13. Богатыри приходят на помощь Илье и совместно уничтожают вражеское войско. 14. Татарский царь или остатки его войска бегут с поля боя (в ряде вариантов при этом дают зарок никогда не воевать против Руси). 15. Торжество после победы и награждение участников боя»¹⁷.

Из этой многосоставной схемы в приладожском варианте реализуются лишь эпизоды 9–11. Данную версию, без сомнения, надо рассматривать как позднюю, характерную для периода затухания традиции. Тем не менее, в тексте И. Я. Гусева отразилась довольно редкая формула — совет богатыря окружающим уйти с места его казни:

Ай же вы поганьи татаревя,
У которого есть отец да мать?
У которого есть да молода жена?
У которого есть да малы детушки?
(ст. 44–47).

По наблюдениям Ю. А. Новикова, это типическое место встречается в печорских и зимнезолотицких вариантах «Соломана и Василия Окуловича», в печорских записях «Ильи Муромца и Соловья-разбойника» и «Ильи и разбойников»¹⁸. Возможно, эти строки — это отголосок былого знания И. Я. Гусевым других былинных сюжетов.

¹⁷ Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 167–168.

¹⁸ Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000. С. 89.

От И. Я. Гусева был записан также сюжет «Василий Буслаевич и новгородцы», причем в своеобразной редакции¹⁹. Действие здесь происходит не в киевско-новгородскую эпоху, а при царе Иване Васильевиче. На пиру у царя Василий Буслаевич в ответ на вызов Ивана Васильевича берется бороться с его «силой войскою». В товарищи к себе он берет Поташеньку сутула-горбата и Ваську Белозерянина. Василий Буслаевич заключает с царем Иваном Васильевичем договор о том, что если он окажется победителем, то ему владеть Новым-городом, если же верх возьмет царская «сила войская», «так нет ни сыску, ни отыску». Далее действие в новолодожском варианте развивается традиционно, согласно классической версии: мать героя, узнав о предстоящей битве, запирает его дома; Поташенька и Васька Белозерянин бьются одни, пока девушка-служанка не будит Василия Буслаевича; герой вступает в бой, сталкивается со своим родным дядюшкой, пришедшим из Юрьева монастыря, побеждает всю «силу войскую» и остается «владеть да всим Новым-градом».

Данный вариант стал одним из аргументов в построениях С. К. Шамбинаго, который полагал, что былина «Василий и новгородцы» является песенным памфлетом, сложенным в XVI в. по поводу трагических событий 1570 г. в Новгороде, когда опричники под руководством самого Ивана Грозного убили несколько десятков тысяч жителей. За образом былинного Василия Буслаева исследователь видел реального Ивана Грозного. Дружина Василия, согласно его точке зрения, являла собой иносказательное наименование опричнины. Прототипом Старица Пиригимища С. К. Шамбинаго считал новгородского архиепископа Пимена, над которым беспощадно поглумился Иван IV. Бой же Василия Буслаевича с новгородцами прочитывался как картина разгрома Новгорода в 1570 г.

Относительно рассматриваемой нами былины-уникума из Новолодожского уезда С. К. Шамбинаго заметил следующее: «Старина, бесспорно, является полузабытым, испорченным отрывком. К основной песне она подходит кое-где слабыми воспоминаниями. Однако эта позднейшая порча могла явиться как результат или случайного домысления о настоящем значении Василья, или процесса эпического повторения, или попытки переделать песню на основании того, что редактору было известно, что Василий — двойник Грозного. Во всяком случае, введение Василья Буслаева в царские хоромы Ивана Васильевича, представление его “владельцем” Новгорода <...> показывают, что некоторым из передатчиков песни был понятен распущенный в ней смысл памфлета»²⁰.

Как бы ни относиться к концепции С. К. Шамбинаго, очевидно, что прилодожский вариант занимает особое место среди других записей этого сюжета.

¹⁹ *Гильфердинг А. Ф.* Певец былин в Петербургской губернии. С. 455–458.

²⁰ *Шамбинаго С. К.* Песни-памфлеты XVI века // Записки имп. Московского археологического института. М., 1913. Т. 28. С. 189.

Мы полагаем, что эта былина отражает позднюю версию сюжета о Василии Буслаеве и новгородцах — версию, которая явно сопрягается с историческими песнями XVI в. Перед нами попытка древнюю по своему происхождению былинку вписать в эпическую картину времен Ивана Грозного.

Третья былина И. Я. Гусева еще в большей степени не вписывается в классическую эпическую традицию. Былина «Алеша Попович и Ярюк-богатырь», записанная А. Ф. Гильфердингом от новолодожского сказителя, представляет собой песенный отрывок²¹. Данный текст можно квалифицировать или как осколок неизвестного нам сюжета об Алеше Поповиче, или как былинку-новообразование. Содержание отрывка следующее: Алеша Попович грозитя отобрать у Ярюка-богатыря его жену; герои вступают в бой; Ярюк убивает Алешу Поповича. Текст заканчивается насмешливыми словами Ярюка-богатыря: «То-то Алёша на моей жене женат бывал!»

Мы склонны рассматривать данный текст как былинку-новообразование, отражающую угасание эпической традиции. Перед нами попытка носителя фольклорной традиции создать новое произведение, исходя из скудного запаса эпического знания. Былина-новация явно опирается на традиционный сюжет «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеша Поповича»; имя молодого Ярюка сына Ивановича, по нашему мнению, идет не из глубин былинной традиции, а придумано самим исполнителем.

Наконец, последнее эпическое произведение, записанное А. Ф. Гильфердингом от И. Я. Гусева, — историческая песня «Взятие Азова». Сюжет ее отражает события конца XVII в. В 1694 г. Петр I предпринял очередную, неудачную для России, попытку овладеть турецкой крепостью Азов, открывавшей выход к Черному морю. В результате похода 1696 г. крепость была взята. В песне И. Я. Гусева Азов взят хитростью: донской казак под видом заморского купчины приходит в Азов, спрятав «ребятушек» (русских воинов) в обозе с товаром; ночью русские захватывают Азов (ситуация «троянского коня»). Наиболее близок к новолодожскому тексту вариант, записанный Е. Фаворским в с. Павлово Нижегородской губернии²². Песня И. Я. Гусева явно рефлексирована на былинную традицию: вначале описывается пир, хвастовство на пиру; царь Петр Алексеевич спрашивает, кто из пирующих готов съездить к славному Азову; больший хоронится за меньшего, а меньший за большего; из-за столов выходит «собака вор донской казак» и берется взять Азов.

Значение описанного эпизода в истории русской фольклористики невозможно переоценить: записи А. Ф. Гильфердинга, сделанные в 1871 г., неоспоримо свидетельствуют о существовании некогда в Новолодожском уезде, на древних Новгородских землях, песенно-эпической традиции.

²¹ Гильфердинг А. Ф. Певец былин в Петербургской губернии. С. 453.

²² Исторические песни XVIII века / Изд. подготовили О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971. № 33.

Эпизод второй. Фольклорно-этнографическая деятельность В. М. Максимова

Второй эпизод в истории фольклористики Новолодожского уезда связан с именем известного художника Василия Максимовича Максимова (1844–1911). Напомним, что В. М. Максимов родился 17 (29) января 1844 г. в крестьянской семье в д. Лопино Новолодожского у. (в автобиографических записках художника — Лапино). В конце XIX — начале XX вв. Лопино относилось к Михайловской волости 2-го стана Новолодожского уезда; на 1905 г. деревня входила в Чернавинское сельское общество. Местность эта расположена на правом берегу р. Волхова напротив Старой Ладоги с ее древними церквями и крепостью. В шесть лет мать отдала В. М. Максимова в школу при Старолодожском Николаевском монастыре. Затем было сиротство, иконописная мастерская в Петербурге, студенческие годы (вольнослушателем) в Академии художеств, признание в мире искусства, и все-таки — бедность. С родными местами была связана вся жизнь В. М. Максимова: сюда он приезжал практически каждое лето, попеременно живя в д. Чернавино и Петербурге²³.

Социальное происхождение художника во многом определило темы его произведений — крестьянская жизнь во всех ее проявлениях. Нередко в его работах прочитывается этнографическая составляющая. В 1867 г. на выставке Общества поощрения художеств начинающий художник представил полотно «Бабушкины сказки», где изображена достоверная обстановка рассказывания этого жанра в крестьянской избе, освещенной лучиной. Позировали художнику его землячка старушка Юдишна (сказочница), его старший брат Алексей, невестка Варвара и, вероятно, племянники. Среди полотен В. М. Максимова имеются и другие картины: «Заслушались» (1864) — три мальчика, один из которых играет на дудочке, сделанной из бересты; «Сборы на гулянье» (1869) — две девушки в праздничных сарафанах наряжаются на летнее гулянье, а молодуха с грудным ребенком сидит у окна (картина иллюстрирует одну из тем русской народной лирики — девья воля и бабья неволя); «Пережил старуху» (1896), где художник запечатлел такую важную деталь похоронного обряда, как солома на лавке, на которой лежит ногами к двери умершая. Среди незаконченных работ художника — «Беседа» («Деревенские посиделки») (1876), «Второй Спас» (1896), «Прощеное воскресенье» (1910).

²³ См. о В. М. Максимове: *Леонов А. И.* 1) Василий Максимович Максимов: Жизнь и творчество. М., 1951; 2) Василий Максимович Максимов. 1844–1911 // Русское искусство: Очерки о жизни и творчестве художников. Вторая половина девятнадцатого века. М., 1962. Т. 1. С. 227–264; *Алдошина Р. П.* Василий Максимов: Жизнь и творчество. М., 2007. Фигура В. М. Максимова запечатлена в воспоминаниях художников: *Репин И. Е.* Далекое близкое. М., 1961. С. 361–364; *Мишченков Я.* Воспоминания о передвижниках. Л., 1964. С. 137–147. См. также собственные записки В. М. Максимова: *Максимов В. М.* Автобиографические записки // Голос минувшего. 1913. № 4. С. 147–183; № 5. С. 90–116; № 6. С. 161–198; № 7. С. 86–122.

В 1871–1875 гг. В. М. Максимов написал картину «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» (известны эскиз и окончательное полотно). Над картиной художник работал в д. Черनावино, а заканчивал ее в Петербурге. Работа выстав-лялась на 4-й передвижной выставке и обратила на себя внимание критиков²⁴ и коллег²⁵. В марте 1875 г. ее приобрел П. М. Третьяков. Картина в 1878 г. экспо-нировалась на международной выставке в Париже.

В этом полотне привлекает внимание этнографическая точность изобра-жаемого события. В картине четко читается избыное пространство: вход в избу, расположенный вправо от рамы картины; печь, находящаяся в том же правом углу; матица, за которую не перешел колдун; красный угол с образами; стол, поставленный буквой «Г». Убранство избы говорит о торжественном событии, происходящем в крестьянском доме: художник изображает множество полоте-нец на стенах — это и украшение, и оберег, долженствующий предохранить сва-дебное действие от «порчи». Полотенца же обрамляют три иконы, находящиеся в красном углу.

Картина В. М. Максимова позволяет точнее осознать те многочисленные описания свадебного обряда, которые нам известны по этнографической ли-тературе. Жених и невеста стоят, как им и полагается по обряду, в красном углу. За столом, обратим внимание, сидят только представители старшего по-коления: пожилые и зрелые мужики и бабы. Расположенный по правую руку от жениха седобородый старик, по-видимому, — отец невесты. Женщина, что-то шепчущая невесте (возможно, заклинания от «порчи» колдуна), — ве-роятно, мать невесты. Почетный гость свадьбы — черноволосый священник (у него на груди крест), стоящий по левую руку от невесты. Кроме жениха и невесты за столом находится только один молодой парень, перевязанный полотенцем — это дружка. Все остальные представители молодежи располага-ются в правом углу картины — у печки и на печке. Это не гости — посторонние, «сторона», или, как говорили в Нововладожском у., «глазетели». На эскизе око-ло печи сидит балалаечник (музыкальный инструмент, популярный во второй половине XIX в.); в окончательном варианте картины балалаечник стоит там же у угла печи.

В абсолютном соответствии с этнографической правдой отец и мать жениха за столом не сидят. Их дело — угощать гостей, подавать им «перемены». Во вре-мя прихода колдуна мать жениха спешит поднести ему на блюде с богатым по-лотенцем каравай хлеба. Рядом стоит хозяин дома, готовый оказать всяческое почтение неожиданному гостю.

Помимо этнографически точного пространства, картина В. М. Максимова дает нам информацию об этнографически точном времени свадьбы. Полушубок

²⁴ Прахов А. В. Четвертая передвижная выставка // Пчела. 1875. № 10. С. 122.

²⁵ См. отзывы В. В. Стасова, П. П. Чистякова, И. Е. Репина, приведенные в книге: *Леонов А. И.* Василий Максимович Максимов: Жизнь и творчество. М., 1951. С. 180, 193.

и малахай колдуна запорошены снегом. Свадьба происходит, без сомнения, в период между Крещением и Масленицей.

Исследователи творчества В. М. Максимова не без основания считают, что «все лица были портретными изображениями отдельных крестьян»²⁶. Известно, что для фигуры священника ему позировал мужик по прозвищу Крючок, известный в округе охотник²⁷.

Сюжет картины сложился на основе собственных семейных впечатлений художника. В автобиографических записках В. М. Максимов вспоминал о свадьбе старшего брата Алексея, женившегося на девице Варваре из д. Чернецкое: «вошел какой-то человек с собакой и, не снимая шапки, стоял у порога. Все гости переглянулись и шептались друг другу: “Колдун, колдун пришел”, — тогда дядя о. Трифилий (дядя по матери В. М. Максимова, Трифилий Кедров, служил диаконом Новолодожского Николаевского собора. — *Т. И.*) встал и громко сказал: “Колдун, подойди сюда, выпей за здоровье молодых красолю и уходи, не мешай пировать”. Поднесли колдуну водки, дядя сунул ему в руку какую-то монету, и колдун исчез со своей собакой»²⁸.

В 1898 — январе 1899 г., то есть через 25 лет после создания картины, В. М. Максимов стал корреспондентом Этнографического бюро князя Вячеслава Николаевича Тенишева (1843–1903). Отвечая на этнографическую программу В. Н. Тенишева²⁹, художник собрал богатый этнографический и фольклорный материал у себя на родине — в Усадище-Спасовской вол. Новолодожского у. (Российский этнографический музей. Ф. 7, оп. 1, № 1469, л. 1–16; № 1470, л. 1–36; № 1476, л. 10–15, 17–19, 20–24; № 1475, л. 1–19, № 1473, л. 1–37; № 1474, л. 1–10; № 1471, л. 1–26; № 1472, л. 1–12). В настоящее время эти материалы опубликованы — в фундаментальном издании Российского этнографического музея «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы»³⁰ и отдельной книгой, подготовленной Г. Стерлиговой³¹. Здесь описан образ жизни новолодожских крестьян, их отхожие промыслы (коновалы), приведен список пословиц, даны сведения по свадебному обряду, по этнографии детства и пр.

²⁶ *Леонов А. И.* Василий Максимович Максимов: Жизнь и творчество. С. 182.

²⁷ *Алтаев Ал.* Мученик своего таланта // *Алтаев Ал.* Памятные встречи. М.; Л., 1957. С. 159–160. — Авт.: М. В. Алтаева-Ямщикова.

²⁸ *Максимов В. М.* Автобиографические записки // *Голос минувшего.* 1913. № 4. С. 158.

²⁹ Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная на основании соображений, изложенных в книге В. Н. Тенишева «Деятельность человека» князем В. Н. Тенишевым при участии В. Н. Добровольского и А. Ф. Булгакова. Смоленск, 1897; 2-е изд., испр. и доп. 1898.

³⁰ *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева.* СПб., 2008. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 322–385.

³¹ Художник Василий Максимов и «Этнографическое бюро» князя Тенишева. 1898 — 22 января 1899 г. Новолодожский уезд, Усадищская волость, местность Спасовщина (с. Усадище и д. Бор, Мыслино и Безово) / Сост. Г. П. Стерлигова. СПб., 2014.

Наиболее ярким фрагментом материалов В. М. Максимова являются сведения о знахарях и колдунах, куда включен большой рассказ знаменитого местного колдуна Григория Семеновича Шабары, крестьянина д. Чернецкой Иссадской вол. Новоладожского у.³² Этот материал корреспондирует с картиной «Приход колдуна на свадьбу» и дает новые сведения, касающиеся ее создания. Без сомнения, помимо семейных впечатлений, связанных со свадьбой брата, толчком к созданию картины стало личное знакомство художника с Шабарой, произошедшее в начале 1870-х гг. В этом рассказе Шабары, представленном в этнографических материалах В. М. Максимова, среди прочего имеется следующий эпизод. Шабара рассказывал:

«Нашелся один такой, догадливый, захотел без меня свадьбу справить; поабрал на все пиры, что перед свадьбой ведутся, — как будто поп может чем-нибудь пособить супротив меня.

«Погоди же ты, — думаю, — святоша! Не прислал за мной лошадь, — видно, жаль подарка для Шабары».

Собрался я, на эту свадьбу, пешком, верст за 5 от нашей деревни. *Одел полушубок, за кушак заткнул 12 лык, малахай на голову, батог с бахорком в руку* и, не глядя на снежную занось, отправился. Молодые, приехавши от венца, только что успели встать за стол, а гости собрались поздравлять — я и мах в избу. *У порога расступились в стороны все “глазетели”*.

<...> «Не звали, не ждали, — говорю я, — гостя, а Шабара и незванный на пир пришел!» Я сразу увидел на полу очерчен круг, — это против меня. Перепугались поезжане, поп и тот струсил. Жениховы отец и мать поднесли мне почетные подарки: на шитом полотенце хлеб-соль, шейный плат на хлебе, а сверх всего рублевка. Не стал я их в сумленье держать, поздравил и собрался домой. Дружка подогнал под меня самолучшего коня, мигом довез до самого моего жилья, с колокольчиком. Знаю я, они все радешеньки, что дешево от меня отделались. А не так бы еще струсили, ежели бы я взял с собою собаку, Подмага называется. Да жаль было пугать молодых, хорошая пара-то сходилась» (с. 335).

Фольклорно-этнографические записи В. М. Максимова и именно в преломлении к его картине «Приход колдуна на свадьбу» уже привлекали внимание фольклористов. Мы имеем в виду статью Э. В. Померанцевой «Художник и колдун», напечатанную в 1973 г.³³ Однако исследовательница, на наш взгляд, прошла мимо заложенной в материалах В. М. Максимова возможности рассмотреть проблему становления «знающего» (колдуна), на которой мы и сосредоточим внимание.

Как мы уже указывали, «Приход колдуна на свадьбу» писался В. М. Максимовым в родных местах, в д. Чернавино, где он проводил почти каждое лето. Эту свою работу он показал герою полотна — Шабаре, которому та понравилась:

³² Русские крестьяне... С. 327–338.

³³ Померанцева Э. В. Художник и колдун // Сов. этнография. 1973. № 2. С. 137–145.

«Вообще я заметил, что с тех пор, как побывал он у меня в д. Чернавине, увидел картину «Приход колдуна на свадьбу», которую я тогда оканчивал, уважение его ко мне возросло. Он понял, что в картине изображен случай, им же рассказанный» (с. 338). Художник если не сдружился с Григорием Шабарой, то, во всяком случае, сумел завоевать его расположение.

В фольклорно-этнографических записях, представленных В. М. Максимовым в Этнографическое бюро В. Н. Тенишева, даны образы четырех «знающих»: матери Шабары; Алексеевны-колдуны; старика Михея и самого Шабары. Центральным является образ Шабары.

Из материалов следует, что Шабара в 25 лет после смерти отца остался в доме большаком. Это произошло, судя по различным деталям, в 1851–1853 гг., незадолго до Крымской войны: «за 2 года до войны с англичанкой» (с. 327); «стали поговаривать о какой-то войне с туркой» (с. 332). Записи В. М. Максимова интересны тем, что они дают важную для этнографии информацию о том, как Шабара стал колдуном.

Шабара, подчеркнем, был потомственным колдуном: травницей и лекаркой была его мать Акулина Ивановна. Изображая ее по рассказам Шабары, Василий Максимов подчеркивает, что она ходила зимой «в крашенном сарафане, без пояса» — деталь значимая. Акулина Ивановна обладала даром предвидения — она предсказала сыну, что вскоре приедут сваты к его сестрам. Обстоятельства ее смерти прочитываются в рамках представлений о колдунах. Умерла она внезапно в погребе, куда спустилась по хозяйственным делам, — без покаяния. «Колдунья, — говорят, — она; оттого и умерла “без дару” — без покаяния, не как добрые люди» (с. 328). Глаза покойной, пролежавшей в погребке несколько часов, закрыть не смогли. Пономарь, привычный к покойникам, отказался оставаться один на один с нею. С ее похоронами на кладбище, кажется, также были проблемы: «Хорошо, что поп наш был добрый человек, так упросили его похоронить мать на кладбище с родителями и без всякого начальства» (с. 328). Однако Шабара всячески подчеркивал, что при жизни матери он сам не интересовался ее колдовским (лекарским) искусством.

Сам процесс передачи «знания» от матери к сыну у него произошел уже после ее смерти через золотое кольцо, оставленное матерью. В Духов день у Шабары сторела изба. После бедствия он рылся на пожарище, ища уцелевшие вещи, которые могли пригодиться в хозяйстве, и обнаружил горшок с червонцами, спрятанный в свое время покойной матерью. Было там и золотое кольцо, замкнутое замком: «Когда я открыл этот замок, одел кольцо на палец — большую силу слышал я в себе» (с. 329).

Третьим элементом в передаче колдовских знаний стал популярный в традиционной культуре мотив, согласно которому сильные колдуны живут в определенной местности, далекой от локуса, где проживает рассказчик. Так, на Северной Двине считается, что колдуны живут на Пинеге, на нижней Пинеге — что они живут в верховьях реки и т. д. Соответственно, Шабара рассказывал

В. М. Максимова: «Мать моя была родом из Олонецкой губ., она мне рассказывала о своей стороне <...> сколь часто попадаются такие “знающие люди”, что с ними тягаться не в силу ни попу, ни доктору» (с. 329). После пожара, разорившего хозяйство Шабары, он отправился на заработки в Олонецкую губернию.

Шабара удачно нанялся работником к богатому мужику, державшему постоялый двор. Когда хозяин заболел, его отправили за знаменитым в округе «знающим» стариком Михеем. Этот «знающий» стал последним фактором в становлении Шабары как колдуна. Как и полагается, «знающему» в рассказе приписываются все атрибуты колдуна: избушка его стоит на окраине деревни у леса; в избе к потолку привешены различные травы; один из обитателей дома — черный кот; сам «знающий» — щупленький мужичок, но брови у него практически закрывают глаза; в задней избе, куда колдун поместил Шабару и его спутника, «ни образа, ни лампадки, весь угол затянут <...> запыленной паутиной» (с. 331). В этой задней избе Шабара провел две ночи, пока Михей не согласился поехать к больному. Пребывание в доме «знающего» в рассказе Шабары осмысливается в рамках передачи колдовских знаний: «За эти 2 ночи я много смекнул — пригодились после» (с. 331).

В записях В. М. Максимова описывается, как старик Михей лечил больного хозяина. В атрибутах лечения присутствуют черты, связанные с системой мифологических представлений: баня; разметание метлой дорожки к бане с заклинанием «Дорожка, дорожка, будь гладка на Иваново здоровье с Парасковьюшкой»; лечебные травы (с. 331–332).

Если до сих пор процессы передачи «знания» рисовались исключительно в мифологическом плане (травами матери Шабара не интересовался; первые колдовские знания получил через доставшееся ему после смерти матери кольцо), то в сцене лечения хозяина стариком Михеем появляется «практический» план: «Научил он меня, как надо натирать больного, а сам беспрестанно поливал мне на руки теплое душистое снадобье, приговаривая: “Брысь, цыц, ур, кык, небо, солнце, земля, вода...” До первых петухов возились мы с больным: терли, мыли, поили. Только что запели петухи, Михей бросил на каменку, наотмашь, какой-то черепок и закричал: “Грызи!”, а сам неистово зареготал» (с. 332). Описание это, как видно, сочетает реально-практические действия («терли, мыли, поили») и приметы мифологического сознания (приговоры, крик петуха).

Реальное учение лекарским навыкам было продолжено в доме Михея, куда после выздоровления хозяина Шабара отвез «знающего»: «В ночи я ему поклонился, чтобы научил меня своему делу, обещал ему в здешней стороне никого не пользоваться. Дал он мне на прощанье всяких трав, кореньев, научил готовить всякие мази, питье; также насчет болезней мужичьих и бабьих много сказывал» (с. 332–333).

Свое возвращение в родную новолодожскую деревню Чернецкое Шабара описывает следующим образом: «Чем ближе подъезжал я к дому, тем больше

прибавлялось во мне этой силы; чувствовал я, что становлюсь “знающим человеком”» (с. 333).

В записях В. М. Максимова помимо подробного описания становления Шабары как колдуна привлекательно также описание места, так сказать, его работы. Вернувшись в родное Чернецкое с деньгами, Шабара отстраивает себе новую избу вместо сгоревшей, и рядом ставит маленькую избушку: «Без отдельной избы нашим делом заниматься нельзя, — не всякий должен видеть наше занятие» (с. 333). В. М. Максимова довелось побывать в этой избушке, и он оставил нам описание атрибутов, которые должны были впечатлять крестьян, приходивших за помощью к колдуну: «В переднем углу, рядом с крохотным медным образком, висел лошадиный череп, над ним чучело гадюки с открытой пастью; дрянно сделанные чучела совы, ворона, дятла и других пернатых, вперемежку с пучками трав и цветов красовались на стенах. Черепа собак, кошек, разные кости лежали по лавкам. Небольшая русская печь сплошь завешана кореньями и травами, а около трубы человеческий череп с двумя берцовыми костями; при входе в избу все это Григорий с особенной значительностью прикрыл тряпкой, сказавши: “Уж извините, в чем застали”. Куда не поглядишь, всюду видишь бутафорские принадлежности его занятия. “А ведь ты, Григорий Семенович, — сказал я, — перемудрил своего учителя Михея Андреевича”. Григорий, видимо, довольный моим замечанием, улыбнулся. “Дело наше этого требует, сами изволите знать”» (с. 338).

Как колдун Шабара практиковал многое. Прежде всего, он занимался лечением: «Душевные болезни <...> он излечивает превосходно; за детские болезни берется редко. Заговоры: от кровотечений, опухолей, укушения змей <...> — всегда удачны» (с. 337). Любопытно отношение Шабары, мужика разумного, к докторам. Шабара признает знания официальных лекарей: «А без докторов нельзя, они по своей науке знают все тело человека: сломал ли кость, вывихнул ли руку, ногу, разрезать ли, где понадобится, — уж это их дело» (с. 334). Он завел знакомство с новоладожским аптекарем, который снабжал его редкими лекарствами.

Знал Шабара и «привороты», благодаря которым устанавливал любовь и согласие в молодых семьях, если молодожены жили неладно. «Отворачивал» сладострастного свекра от молодухи — «в ее сторону перестал глядеть, не только что с любовью к ней лезть» (с. 337). Отыскивал краденое (лошадей, коров), давал «обходы» пастухам.

Шабара практиковал и вредоносную магию. Он наказывал (скорее всего, тем же «травным» способом) своих недоброжелателей. Так, заставил мужика, любопытствующего его материним наследством, то есть совавшего свой нос, куда не надо, мучиться *поносом*. Навел страх (вероятно, через внушение) на цыгана-конокрада, насмежавшегося над его колдовскими способностями. На парня-насмешника, не дававшего проходу племяннице Шабары, навел «нестоянку», которая проявилась, когда он женился на другой девушке; сам же и излечил молодого мужа.

Шабару в округе боялись. Эта тема проходит через весь рассказ колдуна. В кризисных ситуациях крестьяне пытались его даже преследовать. Так, во время эпидемии холеры они хотели его убить, приписав ему ответственность за наведение болезни.

В рассказе Шабары возникает еще один традиционный в связи с колдунами мотив — мотив передачи «знаний» своему преемнику. Шабара, готовый бросить свое «ремесло», говорил В.М. Максимову: «Но только как быть? Кому сбыть? Думал, думал и надумал, выбрал я вместо себя Семена Бруню. Позвать лажу его к себе, сладиться с ним во всем, избушку ему свою продать “на своз”» (с. 336). Впоследствии художник узнал, что Шабара избушку продал и жил у детей на покое.

В материалах В.М. Максимова имеется образ еще одного представителя «знающих» — колдуньи Алексеевны из с. Ильинское. Очевидно, что сам Шабара видел в Алексеевне конкурентку, поэтому в своем рассказе он всячески подчеркивает разницу между ним самим и Алексеевной. В отличие от Шабары, колдунья «докторов <...> нахрап ненавидит: распускает о них худую славу, чтобы у них не лечились» (с. 334). В то время как сам Шабара избегает общения с местным священником, и чтобы не осложнять свои взаимоотношения с властями, на исповедь ходит в дальний монастырь, откуда и приносит необходимый документ, хитрая Алексеевна «и в церковь ходит и с попадьями дружна» (с. 334). Сам Шабара считает свою деятельность позитивной, а об Алексеевне говорит: «А ее дело только портить людей, всякое зло варганить, а чтобы помочь кому-нибудь в беде, на это у ней смысла не хватает» (с. 334).

В.М. Максимов описывает одно из зловердных действий колдуньи Алексеевны — «заломы», производимые ею на полях: «Она, желая нанести вред семье или целой деревне, которая чем-нибудь утеснила ее, лишала урожая, напускала болезни, навела грозу с молнией. “Заломы”, или “закруты”, делались ею так. На вечерней заре она приходила в поле, избирала нужную ей полосу, становилась лицом на запад, склоняла пучок колосьев к земле с заклинаниями, перевязывала закрученный пучок соломы суровой ниткой, насыпая взятой с могилы самоубийцы землей. Чтобы ни молитвы, ни благочестие семьи не ослабляли силы заклятий, Алексеевна во время “закрута” становилась ногами на образ (икону), обращенной лицом вверх» (с. 336).

В 1903 г. художник написал картину «Залом ржи». Главное место на полотне занимает высокая созревшая рожь с цветами васильков и ромашек среди колосьев; на заднем плане ржаное поле сливается с утренним туманным небом. Вместо женщины-колдуньи художник изображает колдуна: бородастый мужик, с картузом на голове, связывает пучок ржи. Эта работа В. М. Максимова, как и «Приход колдуна на свадьбу», представляет этнографически точное и в то же время художественно убедительное воспроизведение одного из магических обрядов, которые знала русская деревня в дореволюционные времена.

В записанных художником этнографических материалах мы находим и колдовские способы избегания магических действий «знающего», сделавшего «закомы» в поле. Противодействовать колдуну может только другой колдун: «В отращение напастей и призывался “знающий человек”, он расщепленным с одного конца осиновым колом выдергивал из земли весь “закрут” с отворотными заклинаниями и вбивал этот кол на месте, где был “закрут”. По мнению народа, сделавшему “закрут” колдуну невыносимую боль причиняет вбиваемый кол. Проводив колдуна, семья сжигает “закрут” от *светлопраздничной свечи, хранящейся всегда в обиходе, как святыня. Для “раскрутов” всегда звали Григория Шабару»* (с. 336).

Об Алексеевне В. М. Максимов заметил в своих записках, отправленных В. Н. Тенишеву: «В с. Ильинском колдунью Алексеевну каждый раз при появлении эпидемии, бездождья собирались “убрать со света”, но не решались на этот поступок столько же из-за боязни уголовного суда, сколько потому, что считали невозможным им, грешным людям, совладать с той громадной нечистой силой, которая ее стерегла» (с. 385).

Помимо интересных записей о колдунах, к тому же, как мы показали, тесно связанных с художественными полотнами, в материалах В. Н. Тенишева содержится комплекс сведений по свадьбе (с. 356–364). Обращают внимание тексты свадебных причитаний, записанных, кстати, с соблюдением особенностей говора («иканье»), известного художнику «изнутри». В одном из них невеста упрекает отца:

Ты родитель мой, батюшка,
Видно, я тебе принаскучила,
Из засиков хлеб весь выила,
Из колодцев воду выпила.
Буйны витерки навияли,
Добры люди-то набаяли,
Что услышал ты, мой батюшка,
Видно, славушку худую-то
Про свою про дочь родимую
(с. 360).

В баенных плачах, записанных В. М. Максимовым, при всей их традиционности, прочитываются любопытные пространственные приметы, характеризующие причитания именно этого региона. Подруга невесты в причете сообщает, что она не взяла воды для бани ни в первом колодце (там молодец коня поил), ни на втором ключе (там красна девушка умывалась). Воду подруга берет в Волхове:

*Я пришла на славно Волхово,
Вижу, утица купаетца
Со малыми со утятами —*

Отошла я, да раздумалась:
То не уточки купаются,
То не сиры умываются, —
Тут купаетца-смываетца
Вольна волюшка дивическа,
Со алыми да со лентами —
Тут воды я и почерпнула
(с. 361).

Очевидно, Волхов — это центральный местный локус, нагруженный мифологическими значениями «иноного» пространства.

Дрова, которыми топится невестина баня, также имеют топонимические определения, которые наделены смыслом «наилучшего качества». Первые дрова были березовыми:

И березой-то не здишною,
А березой билозерскою
(с. 361).

Вторые дрова — дубовые, а третьи:

Что третьим дровам кленовым,
Кленовым, новгородским
(с. 361).

Знает причитания, записанные в Новолодожском уезде, и уездный город. Подруга невесты описывает, как добрый молодец (жених) расспрашивает ее, есть ли в доме «девушка продажная, / Руса косынька закладная». Из «своего» пространства (пространства своей деревни) подруга отправляет жениха в Новую Ладугу — «чужое» пространство:

Поизжай-ко добрый мболодец,
Ты во город Нову-Ладогу:
Там е дивушка продажная,
Руса косынька закладная
(с. 361).

Волхов и Новая Ладога очерчивают ближний круг пространственных представлений женщины-новоладожанки; Новгород и Белое озеро — более широкий круг Русского Севера.

Отдельные детали этнографического описания свадебного обряда, записанного В. М. Максимовым, можно считать комментарием к его картине «Приход колдуна на свадьбу». Например, о полотенцах читаем: «Невесту повезут к венцу, а “постельницы”, — ее сестры, невестка, либо кто-нибудь из близких родных отправляются в дом жениха с приданым. Здесь “постельницы” украшают избу полотенцами, сколько есть их у невесты; стелют, убирают парадную постель,

приготавливают в клетки или в задней избе другую постель, на которой предстоит молодым спать первую ночь» (с. 362).

О времени проведения свадеб собиратель замечает: «Свадьбы правят обыкновенно в зимнее время, очень редко летом» (с. 363).

Есть замечания и о поведении гостей за столом: «а за почетным столом после венца угощением заведуют дружки. Как только гости собрались, их рассаживают по степени родства за стол; молодых ставят в красном — большом углу. Хотя они во время стола обязаны стоять, но для почета им кладут на лавку подушки <...> Новая родня: сваты, сватья знакомятся, крестные отцы и матери всегда занимают почетное положение в свадьбе» (с. 363). В разделе о свадьбе упоминает В. М. Максимов и о колдунах: «Во многих местностях в это время является колдун за наградой, его встречают хлебом-солью, одаряют деньгами — и уже спокойны за молодых, что не “испортит” их колдун» (с. 363).

Записи В. М. Максимова содержат краткие сведения о родильно-крестильных обрядах, о детской жизни, приводятся колыбельные песни.

Имеет ценность список паремий (106 текстов), записанных собирателем (с. 338–340). Среди них обращает внимание блок неллицеприятных пословиц о священнослужителях (№ 46–56). Среди них: «Худого попа и в алтаре бьют»; «Не пожалел поп скуфью, чтобы забрать кутью»; «Не бери от попа лошади, от бобыля дочери»; «Солнышко праведно, видно, не был ты у попа в работах» (с. 339). Равным образом пословицы отражают напряженные отношения крестьянства с низовыми властями: «Бог-то Бог, а становой приехал — его святая воля!»; «Сотский, десятский, два понятых, да четыре святых»; «Становой, что и домовый: кого не залобит — в дугу согнет» (№ 84, 86, 88).

Ряд пословиц отражают самый популярный отхожий промысел новолодожан — они славились как коновалы: «Батюшки у нас просто, что коновалы: деньги любят»; «Эй, коновал! Хочешь есть? — Хочу. — Вырежь у курицы пяток яиц!» (№ 55, 64). Среди зафиксированных В. М. Максимовым паремий имеются пословичные выражения, посредством которых земляки художника (жители Спасовской волости) пытаются идентифицировать свою «самость»: «Спасовец-бохвал (так! — *Т. И.*) не боится ни брани, ни похвал»; «У нас (спасовцев) проклятая дорога, не дай Бог, чтобы она и во снах приснилась» (№ 61, 65).

Обзор материалов, представленных В. М. Максимовым в Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева в самом конце XIX в., позволяет нам оценить художника как вполне квалифицированного собирателя фольклорно-этнографических материалов. Имя В. М. Максимова входит в фольклористическое сознание лишь в начале XXI в., сосредоточивая внимание науки одновременно и на новом для науки о «живой старине» регионе — Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии. Вполне вероятно, что в дальнейшем появятся сведения о других эпизодах в фольклорно-этнографической истории этого края.

Литература

- Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
- Алдошина Р.П. Василий Максимов: Жизнь и творчество. М., 2007.
- Алтаев Ал. Мученик своего таланта // *Алтаев Ал. Памятные встречи.* М.; Л., 1957. С. 159–160.
- Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. СПб., 1896.
- Гильфердинг А.Ф. Певец былин в Петербургской губернии // *Русская старина.* 1871. № 10. С. 451–459.
- Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1884. Вып. 9.
- Исторические песни XVIII века / Изд. подготовили О.Б. Алексеева и Л.И. Емельянов. Л., 1971.
- Леонов А.И. Василий Максимович Максимов: Жизнь и творчество. М., 1951.
- Леонов А.И. Василий Максимович Максимов. 1844–1911 // *Русское искусство: Очерки о жизни и творчестве художников. Вторая половина девятнадцатого века.* М., 1962. Т. 1. С. 227–264.
- Максимов В.М. Автобиографические записки // *Голос минувшего.* 1913. № 4. С. 147–183; № 5. С. 90–116; № 6. С. 161–198; № 7. С. 86–122.
- Минченков Я. Воспоминания о передвижниках. Л., 1964.
- Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853. С. 122, 157 (Зап. имп. Рус. геогр. о-ва; кн. 8). См. о погостах в Поволхье: *Бранденбург Н.Е.* Старая Ладога. СПб., 1896.
- Новиков Ю.А. Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000.
- Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873.
- Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. 2-е изд. СПб., 1894–1900. Т. 1–3.
- Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Подгот. текста и коммент. А.И. Никифорова и Г.С. Виноградова. М.; Л., 1951. Т. 3.
- Писцовые Новгородские книги 7090 и 7091 годов // *Временник имп. Московского общества истории и древностей российских.* М., 1850. Кн. 6.
- Померанцева Э.В. Художник и колдун // *Сов. этнография.* 1973. № 2. С. 137–145.
- Прахов А.В. Четвертая передвижная выставка // *Пчела.* 1875. № 10. С. 122.
- Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная на основании соображений, изложенных в книге В.Н. Тенишева «Деятельность человека» князем В.Н. Тенишевым при участии В.Н. Добровольского и А.Ф. Булгакова. Смоленск, 1897; 2-е изд., испр. и доп. 1898.
- Ретин И.Е. Далекое близкое. М., 1961.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб., 2008. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 322–385.
- Художник Василий Максимов и «Этнографическое бюро» князя Тенишева. 1898 – 22 января 1899 г. Новолодожский уезд, Усадищская волость, местность Спасовщина (с. Усадище и д. Бор, Мыслино и Безово) / Сост. Г.П. Стерлигова. СПб., 2014.
- Шамбинаго С.К. Песни-памфлеты XVI века // *Записки имп. Московского археологического института.* М., 1913. Т. 28. С. 1–266.

References

- Aldonina R. P.* Vasilij Maksimov: Zhizn' i tvorcestvo. M., 2007.
- Altaev Al.* Muchenik svoego talanta // *Altaev Al. Pamjatnye vstrechi.* M.; L., 1957. S. 159–160.
- Azbelev S. N.* Istorizm bylin i specifika fol'klora. L., 1982.
- Gil'ferding A. F.* Pevec bylin v Peterburgskoj gubernii // *Russkaja starina.* 1871. № 10. S. 451–459.
- Hudozhnik Vasilij Maksimov i «Etnograficheskoe bjuro» knjazja Tenisheva. 1898 — 22 janvarja 1899 g. Novoladozhskij uezd, Usadishhskaja volost', mestnost' Spasovshhina (s. Usadishhe i d. Bor, Myslino i Bezovo) / Sost. G. P. Sterligova. SPb., 2014.
- Istoricheskie pesni XVIII veka /* Izd. podgotovili O. B. Alekseeva i L. I. Emel'janov. L., 1971.
- Istoriko-statisticheskie svedenija o S.-Peterburgskoj eparhii.* SPb., 1884. Vyp. 9.
- Leonov A. I.* Vasilij Maksimovich Maksimov. 1844–1911 // *Russkoe iskusstvo: Oчерki o zhizni i tvorcestve hudozhnikov. Vtoraja polovina devjattnadcatogo veka.* M., 1962. T. 1. S. 227–264.
- Leonov A. I.* Vasilij Maksimovich Maksimov: Zhizn' i tvorcestvo. M., 1951.
- Maksimov V. M.* Avtobiograficheskie zapiski // *Golos minuvshogo.* 1913. № 4. S. 147–183; № 5. S. 90–116; № 6. S. 161–198; № 7. S. 86–122.
- Minchenkov Ja.* Vospominanija o peredvizhnikah. L., 1964.
- Nevolin K. A.* O pjatinah i pogostah novgorodskih v XVI veke. SPb., 1853. S. 122, 157 (Zap. imp. Rus. geogr. o-va; kn. 8). Sm. o pogostah v Povolhov'e: Brandenburg N. E. Staraja Ladoga. SPb., 1896.
- Novikov Ju. A.* Skazitel' i bylinnaja tradicija. SPb., 2000.
- Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda. SPb., 1873.
- Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda. 2-e izd. SPb., 1894–1900. T. 1–3.
- Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda / Podgot. teksta i komment. A. I. Nikiforova i G. S. Vinogradova. M.; L., 1951. T. 3.
- Piscovyje Novgorodskie knigi 7090 i 7091 godov // Vremennik imp. Moskovskogo obshhestva istorii i drevnostej rossijskih.* M., 1850. Kn. 6.
- Pomeranceva E. V.* Hudozhnik i koldun // *Sov. jetnografija.* 1973. № 2. S. 137–145.
- Prahov A. V.* Chetvertaja peredvizhnaja vystavka // *Pchela.* 1875. № 10. S. 122.
- Programma etnograficheskikh svedenij o krest'janah Central'noj Rossii, sostavlenaja na osnovanii soobrazhenij, izlozhennyh v knige V. N. Tenisheva «Dejatel'nost' cheloveka» knjazem V. N. Tenishevym pri uchastii V. N. Dobvol'skogo i A. F. Bulgakova.* Smolensk, 1897; 2-e izd., ispr. i dop. 1898.
- Repin I. E.* Dalekoe blizkoe. M., 1961.
- Russkie krest'jane. Zhizn'. Byt. Nravj: Materialy «Etnograficheskogo bjuro» knjazja V. N. Tenisheva. SPb., 2008. T. 6: Kurskaja, Moskovskaja, Oloneckaja, Pskovskaja, Sankt-Peterburgskaja i Tul'skaja gubernii. S. 322–385.
- Shambinago S. K.* Pesni-pamflety XVI veka // *Zapiski imp. Moskovskogo arheologicheskogo instituta.* M., 1913. T. 28. S. 1–266.